

СЕВЕРНОРУССКИЙ СЕЛЬСКИЙ ПРИХОД XVIII ВЕКА: пространство, населенность, клир

Сельский православный приход Русского Севера¹, к сожалению, исследован неравномерно и недостаточно. Популярной темой исторических сочинений он был лишь в последние десятилетия XIX — начале XX века, т. е. в период известного оживления приходской жизни и набиравшего силу движения за реформирование традиционного приходского устройства. Изучение приходской истории Севера шло тогда двумя направлениями: путем подготовки фундаментальных университетских монографий и средствами местного историко-церковного краеведения.

Наиболее яркими итогами первого направления стали работы А. А. Папкова, М. М. Богословского, В. Верюжского и С. В. Юшкова². Каждым из авторов была найдена своя грань проблемы: А. А. Папков рассмотрел средства и методы правительственного воздействия на сельские приходы, взяв во внимание весьма длительный исторический период с XI по XIX век; В. Верюжский предпринял попытку выяснить состояние внутприходских отношений и их эволюцию в связи с образованием на Архангельском Севере самостоятельной епархии в 1682 году; М. М. Богословский тщательно обрисовал роль северного православного прихода в системе «волость — приход — община» — традиционной сельской триаде земского самоуправления допетровской Руси; С. В. Юшков дел анализ различным линиям правоотношений, возникающих в связи с функционированием прихода. Итогом их усилий стало формирование общей концепции становления, функционирования и эволюции сельского прихода на Севере России. Мысль о генетическом единстве земского и приходского устройства в регионе, где абсолютно и относительно доминировало черносошное крестьянство с известной степенью личной свободы и автономией самоуправляемых сообществ, была положена в ее основу. Однако очевидно, что эта концепция строилась преимущественно на материалах XV-XVII веков. Развитие же прихода в XVIII веке очерчивалось лишь в общем плане.

Второе направление реализовывалось через статьи в северной провинциальной периодике³, издание отдельных брошюр по истории наиболее известных приходов⁴, а также специальной серии книг.

систематизировавшей собранные по определенной программе исторические сведения о каждом приходе⁵. Как правило, эти сочинения содержали добросовестный пересказ древнейших сведений о строительстве и последующих перестройках приходских храмов, публикации хранящихся в храмах старинных грамот, описание приходского пространства и его святынь, прихожан и их традиций, легенд и преданий, упоминали наиболее значительные события в истории прихода (приезды епископа, открытие школы и библиотеки, уникальные явления природы, чудеса и знамения и т. п.). Постепенно создавался корпус базовых знаний по истории севернорусских приходов. Вместе с тем, местные исследования в ряде случаев страдали некритическим отношением к источникам, дилетантизмом и беспроблемностью исполнения, узким взглядом на предмет изучения. Можно считать, что второе направление развивалось, как бы минуя концепции и наблюдения первого, так же, как первое редко пользовалось достижениями второго. Не вызывает сомнений, что логика познания темы в конце концов сомкнула бы усилия исследователей, но потрясения 1917 и последующих лет фактически прервали эту тенденцию и надолго вычеркнули историю прихода как самостоятельную тему из сферы допустимого в российской исторической науке.

Неудивительно, что достигнутое дореволюционными историками имело свои пределы. Проблемы эволюции севернорусского сельского прихода XVIII века в полной мере так и не были поставлены, а выявление и осмысление источников остановилось в самом начале⁶. Между тем не вызывает сомнений особая значимость XVIII столетия для судеб православного прихода на Русском Севере. Помимо воздействия изменений в правовом и общественном статусе Церкви, вызванных известными реформами Петра I и Екатерины II, приходы Севера испытывали влияние ряда региональных факторов, из коих на усиление государственной регламентации всех сторон жизни государственных крестьян⁷ и учреждение самостоятельных севернороссийских спархий с центрами в Холмогорах и Великом Устюге, а также на умаление деятельности и роли знаменитых северных монастырей⁸ следует обратить отдельное внимание.

Статусные, структурные и функциональные изменения в сельском приходе могли обернуться на Севере куда более серьезными последствиями, чем где бы то ни было. Это предположение исходит из признания органичного слияния прихода с жизненно важными институтами местного крестьянства и утвердившейся в XVI–XVII веках особой системы взаимоотношений деревенского мира с клиром. Неи-

зученность конкретно-исторической картины таких изменений мешает дальнейшему осмыслению и других сторон истории и культуры Севера.

В послереволюционной историографии истории Севера XVIII века отдельные изменения в религиозной жизни региона фиксировались⁹, однако до специального изучения прихода дело так и не доходило. И тем не менее возобновление прерванной когда-то темы — как это ни парадоксально — может ныне произойти на заметно обогащенной историографической и источниковой основе. Циклы работ по истории северного крестьянства¹⁰, исторической географии и демографии региона¹¹, достижениям и традициям народной культуры и ее семиотике¹², эволюции крестьянских настроений и правосознания¹³, а также издание ряда массовых источников по истории Севера XVIII века¹⁴ позволяют реконструировать состояние и жизнедеятельность приходских сообществ с более полным, нежели ранее, учетом всех факторов конкретно-исторической среды¹⁵.

В рамках данной статьи предпринимается попытка реконструировать количественные параметры севернороссийского сельского прихода. Именно эта задача представляется нам первоочередной, поскольку призвана заложить базовые данные для дальнейшего исследования приходских сообществ и их эволюции в XVIII столетии.

Документальная основа для решения поставленной задачи вполне достаточна. В архивах Вологодской, Великоустюгской и Архангельской консисторий сравнительно полно и в хорошей сохранности находятся такие массовые церковные источники XVIII века, как исповедные и метрические книги¹⁶. Известные в качестве ценнейшего источника по демографии¹⁷, они дают и ряд сведений по интересующему нас вопросу (состав клира, количество поселений в приходе, границы прихода, сословный состав прихожан и т. д.). Все это существенно дополняется корпусом многочисленных и информативно насыщенных служебных документов внутрипархиального управления: рапортами благочинных, списками священно- и церковнослужителей и их семей, делами о назначениях и перемещениях и пр. Имелась также возможность сопоставить получаемые наблюдения с некоторыми данными ревизий¹⁸. Большую ценность для пространственных характеристик приходов имели экономические примечания к Генеральному межеванию земель, а также планы и карты уездов¹⁹.

Взятые в комплексе, источники восстанавливают количественные, пространственные и структурно-иерархические параметры сельского прихода XVIII века. Из них в первую очередь рассмотрим

массовые сведения о размерах и людности. Подвергнем эти сведения выборочному анализу, используя общепринятое природно-географическое и хозяйственно-экономическое районирование Европейского Севера России²⁰. С этой целью выделим те группы приходов, которые несут в себе типичные черты церковно-приходского устройства различных зон Севера. В общей сложности было отобрано 186 приходов, т. е. около 25% их общего количества в Архангельской и Устюгской епархиях: 1) из северо-западной зоны избрано 6 кольских приходов, существовавших в прибрежной полосе Крайнего Севера, где занятия морским промыслом сформировали особый тип поселений и культурно-хозяйственного быта; 2) из северо-восточной зоны избраны 10 мезенских и 27 усть-сысольских приходов с их специфико-охотничье-промыслового и земледельческого кустового приречного расселения в необъятных лесных массивах; 3) из зоны нижнего Подвинья подвергнуты специальному рассмотрению 33 холмогорских прихода, располагавшихся в наиболее развитой и населенной округе; 4) из зоны Центрального Поморья учтены три группы приходов — 39 шенкурских, 35 краснорборских и 36 тотемских — места старого крестьянского заселения в бассейне среднего Подвинья и Присухонья древнейший земледельческий очаг Европейского Севера.

В таблице 1²¹ приведена группировка приходов в зависимости от количества населенных пунктов и численности населения. Полученные результаты позволили выявить некоторые общие для XVIII века параметры сельских приходов Севера: явно преобладали приходские сообщества с количеством деревень от 4 до 30 (80%) и численностью населения от 300 до 1500 прихожан обоего пола и всех возрастов (73%). Подобные пределы создавали вполне оптимальные условия для выполнения православных обязанностей всеми — паствой и пастырями, разумеется, на уровне их осмысления в XVIII веке и с учетом традиций региона. Последнее обстоятельство обязывало подвергнуть полученную информацию более детальному анализу и очертить типологию сельских приходов.

Тип I составили крупные приходы, населенность которых превышала 1000 человек. Для них церковные власти разрешали иметь «усиленный» клир — 2-х священников, 2-х диаконов, 2-х дьячков, 2-х пономарей и т. д., т. е. создавали двухприходской, а то и трехприходской клир. Тип этот имел свои варианты.

IA — крупный приход, состоявший из большого села и примыкавших к нему нескольких мелких поселений. Таких приходов было не много, и они встречались на Кольских берегах, по рекам Мезени и

Печоре (Варзуга, Кереть, Усть-Цыльма, Ижма, Койнас), т. е. на крайнем северо-востоке и северо-западе региона.

I Б — крупный приход, состоявший из большого числа деревень, размещавшихся в непосредственной близости друг от друга. Примером был Никольский Зачаческий приход Холмогорского уезда. По данным исповедной книги 1793 года, в его состав входили 44 деревни, проживало 1,5 тыс. прихожан²². Приход располагался по реке Чаче, впадающей в Емцу (левый приток Северной Двины). Четыре деревни располагались в непосредственной близости от приходских храмов, а остальные находились по обоим берегам Чачи, но не далее 5 верст. Сообщение с приходскими храмами оценивалось как беспрепятственное. Такие приходы встречались в районах относительно плотного заселения по приречьям северных больших рек — Нижнего и Среднего Подвinya, в Устюжских землях вдоль Сухоны, в Тотемских — по некоторым притокам Сухоны, в Сольвычегодских — вдоль Вычегды.

Таблица 1

**КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ПАРАМЕТРЫ СЕЛЬСКИХ ПРИХОДОВ
80 — 90-Х ГОДОВ XVIII ВЕКА**

Населенных мест	Население						Итого
	до 300 чел.	301-500 чел.	501-1000 чел.	1001-1500 чел.	1501-2000 чел.	свыше 2000 чел.	
1-3	$\frac{10}{\begin{matrix} \text{к-4 х-1} \\ \text{ш-1 т-4} \end{matrix}}$	$\frac{4}{\text{с-2 т-2}}$	$\frac{4}{\text{м-1 с-3}}$	$\frac{1}{\text{с-1}}$			19
4-7	$\frac{11}{\begin{matrix} \text{м-1 ш-4} \\ \text{кр-1 т-5} \end{matrix}}$	$\frac{12}{\begin{matrix} \text{с-2 т-5} \\ \text{х-1 ш-3} \\ \text{кр-1} \end{matrix}}$	$\frac{9}{\begin{matrix} \text{к-1 т-1} \\ \text{м-1 с-4} \\ \text{кр-2} \end{matrix}}$	$\frac{5}{\text{к-1 с-4}}$			37
8-10	$\frac{2}{\text{кр-2}}$	$\frac{9}{\begin{matrix} \text{х-4 ш-3} \\ \text{т-2} \end{matrix}}$	$\frac{10}{\begin{matrix} \text{м-3 с-3} \\ \text{т-2 х-1} \\ \text{ш-1} \end{matrix}}$		$\frac{1}{\text{с-1}}$		22
11-15	$\frac{1}{\text{т-1}}$	$\frac{7}{\begin{matrix} \text{х-2 ш-3} \\ \text{кр-1 т-1} \end{matrix}}$	$\frac{21}{\begin{matrix} \text{с-2 х-5} \\ \text{ш-7 т-7} \end{matrix}}$	$\frac{7}{\begin{matrix} \text{м-2 с-3} \\ \text{х-2} \end{matrix}}$	$\frac{1}{\text{кр-1}}$	$\frac{2}{\text{м-2}}$	39
16-20		$\frac{1}{\text{кр-1}}$	$\frac{14}{\begin{matrix} \text{ш-3 х-5} \\ \text{кр-4 т-2} \end{matrix}}$	$\frac{6}{\begin{matrix} \text{с-1 х-3} \\ \text{кр-2} \end{matrix}}$	$\frac{3}{\text{кр-3}}$	$\frac{1}{\text{кр-1}}$	25

Населенных мест	Население						Итого
	до 300 чел.	301-500 чел.	501-1000 чел.	1001-1500 чел.	1501-2000 чел.	свыше 2000 чел.	
21-30		$\frac{3}{\text{кр-3}}$	$\frac{8}{\text{ш-6 х-2}}$	$\frac{8}{\text{с-1 х-2 кр-2 ш-3}}$	$\frac{5}{\text{х-2 т-1 кр-2}}$	$\frac{2}{\text{кр-2}}$	26
31-40			$\frac{3}{\text{кр-3}}$	$\frac{2}{\text{х-1 ш-1}}$	$\frac{1}{\text{т-1}}$		6
св. 40				$\frac{3}{\text{х-1 х-1 кр-1}}$	$\frac{4}{\text{х-1 ш-3}}$	$\frac{5}{\text{ш-1 т-1 кр-3}}$	12
Итого	24	36	69	32	15	10	186

Примечание: над чертой указано суммированное количество приходов, под чертой — количество таких приходов по каждой из зон: к. — кольские, м — мезенские, с — усть-сысольские, х — холмогорские, кр — красноборские, ш — шенкурские, т — тотемские.

I В — крупный приход, состоявший из большого количества деревень, разбросанных на значительном расстоянии. Примером был Дмитриевский Устьянский приход, где 24 деревни (1600 прихожан) растянулись по реке Устье на 125 верст²³. Такие приходы можно было встретить в зоне Центрального Поморья, там, где население обживало водоразделы и лесную целину и где была самая низкая плотность населения — Красноборские, Никольские, Тотемские земли.

Тип II составили приходы среднего размера с населением от 500 до 1000 человек. Это самый распространенный тип северных сельских приходов XVIII века. Рассмотрим его варианты.

II А — средних размеров приход с компактным размещением деревень. Так, Благовещенский Вожбальский приход (Тотемский уезд) включал в начале 80-х годов XVIII века 17 деревень с общим населением около 700 человек. Деревни размещались не далее 5 верст от храма²⁴. Такие приходы были распространены повсеместно, за исключением зоны Крайнего Севера.

II Б — среднего размера приход с поселениями, разбросанными на значительные расстояния. Такой вариант встречался заметно реже, главным образом, в местах сравнительно позднего заселения и продолжавшихся миграций.

Тип III составили малые приходы, в коих прихожан было менее 500. Они встречались повсеместно, но имели очевидные различия.

III А — малый приход, учреждаемый в XVIII веке на месте бывшей пустыни или небольшого монастыря. Чаще всего им был небольшой култ деревень с населением в 150-250 человек. Так, в Двинской трети Красноборского уезда после закрытия Троицкой Соезерской пустыни на ее месте был учрежден небольшой приход — 8 деревень с 215 жильцами²⁵, которые и продолжали содержать храм и клир — попа и дьячка. Все деревни были поблизости от храмов. Добрую службу такому малому приходу оказывала популярность бывшего монастыря, еще долгое время притягивавшая к нему прихожих богомольцев. Такие приходы встречались редко, но повсеместно — там, где накануне секуляризации или во время оной (1764 г.) закрывались малые монашеские обители.

III Б — малый приход, отделившийся по просьбе прихожан и особому разрешению епископа от разросшегося большого прихода. Такие приходы были невелики по населенности, но плотны по расселению. Примером был Ваенгский приход, затерявшийся среди лесов и топких болот, в стороне от дорог. В него входили 7 деревень с 400 прихожанами. До XVIII века все они состояли в Усть-Ваенгском приходе (Шенкурский уезд), но неудобства сообщения с приходским храмом подтолкнули местных жителей на строительство — сначала часовни во имя Николая Чудотворца, а затем (вероятно, в конце XVII века) церкви. Имея свой храм, они какое-то время продолжали входить в Усть-Ваенгский приход, а в 1705 году выделились в самостоятельное приходское сообщество²⁶. Такие приходы встречались в местах недавнего расселения и на путях продолжавшихся в XVIII веке миграционных потоков (реки Луза, Юг, Мезень, в глухих уголках Тотемского, Вельского, Устюжского, Яренского уездов).

III В — малые приходы, имеющие богатых покровителей. Обычно состояли из одного-двух селений. Таким был, например, Вавчугский приход Холмогорского уезда. Приходская церковь была устроена здесь в 1708-1710 гг. владельцем первой корабельной верфи купцом Никифором Бажениным. Он и его семья в течение длительного времени фактически содержали церковь, поскольку приписных к верфи крестьян не насчитывалось и 200 человек²⁷. Такая же история была и на Кажемском железном заводе Усть-Сысольского уезда, где рядом с предприятием была построена церковь на средства купцов Курочкиных и Юринских²⁸. Для малых приходов поморских сел Беломорья подобными покровителями выступали монастыри (Соловецкий, Николо-Корельский и пр.), а также артели поморов-промышленников. Так, в Понойском приходе в 1785 году числилось лишь 20 прихожан.

Однако здесь возвышалось два храма, чтимых и популярных, в одном из которых хранилось Евангелие, подаренное еще Никоном — будущим патриархом²⁹. Лишь покровительство поморских артелей, отправлявшихся отсюда на океанский промысел и творивших здесь молебны, да помощь Соловецкой обители поддерживали существование прихода.

В целом на Русском Севере абсолютно и относительно преобладали приходы II и III типа. Но в то же время очевидно, что в различных зонах региона от 42% до 64% крестьянского населения проживало в приходах I типа — таблица 2³⁰. Одним словом, несмотря на численное преобладание средних и малых приходов, все же для большей части северных крестьян привычными были условия крупной приходской общины.

Таблица 2

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ (В %) ПО ТИПАМ СЕЛЬСКИХ ПРИХОДОВ В XVIII ВЕКЕ

Уезды, по которым проведены подсчеты	Тип I	Тип II	Тип III
Северо-западная зона: Кольский, Кемский уезды	41,9%	26,9%	31,2%
Северо-восточная зона: Мезенский, Усть-Сысольский, Яренский, Печорский уезды	59,5%	32,8%	7,7%
Нижнее Подвинье: Архангельский уезд	64,0%	20,5%	15,5%
Центральное Поморье: а) Тотемский, Красноборский, Шенкурский, Холмогорский уезды	56,8%	28,7%	14,5%
б) Устюжский, Никольский, Сольвычегодский уезды	55,1%	36,8%	8,1%

Какова внутренняя структура приходского сообщества, ее количественные характеристики? Прежде всего ей свойственно постоянство состава прихожан. Таковыми являлись все люди православного вероисповедания, проживающие на территории данного прихода, зафиксированные здесь ревизскими сказками и другими учетно-фискальными документами государства³¹. Их поименный список в XVIII веке — яркая примета времени — стал строго фиксироваться специальной документацией (исповедными книгами, например). Можно

считать, что проведенная Петром I податная реформа, сопровождавшаяся уточнением сословных границ и более жестким, чем прежде, прикреплением населения к месту жительства, способствовала и предельно конкретному оформлению состава прихожан.

Сельские приходские сообщества, как правило, были сословно однородны. В то же время отдельные представители других сословий в минимальном количестве были почти в каждом приходе — таблица 3³².

Таблица 3

**ВАРИАНТЫ ТИПИЧНОГО СОСЛОВНОГО СОСТАВА
СЕЛЬСКИХ ПРИХОДОВ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ
в 90-е годы XVIII в.**

Приход	Всего прихожан и в каком году	Из них			
		крестьян	посадских или купцов	отставных военных с семьями	солдаток и солдатских детей
Николаевский приход в Драковановой кулиге Красноборского уезда	467 в 1790 г.	457		2	8
Воскресенский приход Верхнематигорской волости Холмогорского уезда	1230 в 1793 г.	1212		2	16
Благовещенский Старототемский приход Тотемского уезда	289 в 1790 г.	270	10	9	

Однако, с точки зрения Церкви, подобные различия не имели решающего значения. Приход был призван консолидировать всех. Как прихожане все постоянно проживающие на приходской территории, независимо от своего статуса, составляли «народ Божий», объединенный вокруг храма и нуждающийся в духовном пастыре.

Если структурообразующими элементами волости и общины были двор (дворовладение) и ревизская душа, то в сфере религиозно-духовного бытия такими элементами являлись православная семья и каждый из ее членов. В православном понимании приходское сообщество также уподоблялось большой семье во главе с отцом-пастырем. И как

в семье есть дети и родители, старшие и младшие, сильные и слабые (т. е. взаимоотношения и весь уклад определялся иерархией возраста, пола, родства), так и в структуре приходского сообщества принципиальное значение имели аналогичные различия. Именно ими определялось место человека в повседневном и праздничном течении приходской жизни, православной обрядности и таиносовершительстве.

Попробуем представить такую структуру сельского приходского сообщества на примере трех приходов различного типа — таблица 4³³.

Таблица 4

**ВАРИАНТЫ ПЛОВОЗРАСТНОГО СОСТАВА ПРИХОЖАН
В НИЖНЕДВИНСКИХ ПРИХОДАХ В КОНЦЕ XVIII ВЕКА**

Приход, количество деревень и дворов	Общее количе- ство прихожан, в т. ч. мужчин и женщин	Возрастные группы						
		до 7 лет м/ж	от 7 до 15 м/ж	от 16 до 20 м/ж	от 21 до 40 м/ж	от 41 до 60 м/ж	от 61 до 80 м/ж	св. 80 м/ж
Кивокурский Вознесенский, 30; 116	1056 496/560	83/95 16,9%	106/95 19,0%	41/50 8,6%	120/151 25,7%	95/121 20,4%	50/47 9,2%	1/1 0,2%
Дмитриевский Николаев- ский, 26; 143	1699 843/856	179/173 20,6%	219/199 24,6%	89/90 10,4%	212/244 26,8%	124/129 14,8%	20/21 2,0%	
Нижнемати- горский Богослов- ский, 6; 86	471 208/263	28/36 13,6%	37/41 16,5%	19/24 9,1%	58/77 28,6%	53/62 24,1%	10/19 6,1%	3/4 2,0%

Как видно, наибольшую группу прихожан составляли мужчины и женщины в возрасте от 21 до 60 лет, т. е. взрослые, самостоятельные, как правило, семейные люди: от 45% до 52%. Именно на их плечи ложилось содержание храма, воспитание детей и передача новым поколениям приходских традиций. Среди них возникали малочисленные, но крайне ценные группы прихожан — книжники, паломники, вкладчики и пр. Из этой возрастной группы избирался приходской

актив. В крупном приходе насчитывалось 700 и более взрослых, в средних — до 450-500, в малом — до 200-250.

Вторую группу составляли дети и подростки до 15 лет — от 30% до 45%. Своеобразным рубежом внутри этой группы был 7-летний возраст, по достижении которого родители обязывались регулярно приводить детей на исповедь, что и учитывалось в исповедных книгах. Дети и подростки должны были учиться отвечать за свои проступки, соизмерять их с нормами народно-христианской этики. В крупном приходе насчитывалось 800 и более детей и подростков, в среднем — до 350-400, в малом — до 150. В каждом случае дети до 7 лет составляли половину указанной численности.

Группа 16-20 лет — женихи и невесты³⁴ — составляла от 8% до 10% прихожан: в крупных приходах — 170-180 и более, в средних — до 80-90, в малых — до 40-50 человек. Весьма значительной в приходских делах могла быть роль стариков, чья доля колебалась от 3% до 10%. Советы стариков по соблюдению тех или иных поведенческих установок, обрядовых действий имели большое влияние на прихожан. Они чаще, чем в прежние периоды жизни, бывали в храме, тщательно и задолго готовились к смерти.

Отдельные демографические группы составляли холостяки, старые девы и сироты. Их доля в приходском населении не превышала 3-6%,³⁵ однако и к ним приходские обычаи вырабатывали свое отношение.

В завершение попытаемся выяснить реальную укомплектованность сельских приходов церковно- и священнослужителями. При этом будем иметь в виду, что приходская практика той эпохи знала три допустимых варианта комплектования клира: 1) 4-членный — священник, диакон, дьячок, пономарь; 2) 3-членный — священник, дьячок, пономарь; 3) 2-членный — священник, дьячок (пономарь). Первый вариант в наилучшей степени способствовал уставному богослужению и правилам православного благочестия, но был весьма дорог для прихода. Третий вариант рассматривался как крайний случай из разряда допустимого, но был самым дешевым.

Источники позволили выяснить состояние приходских штатов за различные десятилетия XVIII века — таблица 5³⁶. Нет сомнений — в целом штаты священно- и церковнослужителей были укомплектованы вполне достаточно. Отдельные случаи отсутствия священника или наличие лишь его одного объяснялись временными обстоятельствами.

ПРИХОДСКОЙ КЛИР СЕВЕРНОРУССКИХ УЕЗДОВ XVIII ВЕКА
(реальная укомплектованность)

Состав клира	Уезды						
	Вологодский 1723 г. 123 прихода	Яренский 1723 г. 61 прих.	Тотемский		Двинский Холмогорский*		Красноборский 1790 г. 45 прих.
			1736 г. 45 прих.	1790 г. 43 прих.	1745 г. 75 прих.	1793 г. 35 прих.	
4-членный	43 прих. 34,9%	2 прих. 3,3%	7 прих. 15,6%	11 прих. 25,6%	13 прих. 17,3%	11 прих. 31,4%	14 прих. 31,1%
3-членный	48 прих. 39,0%	59 прих. 96,7%	27 прих. 60,0%	31 прих. 72,1%	30 прих. 40,0%	20 прих. 57,1%	31 прих. 68,9%
2-членный	25 прих. 20,3%	—	9 прих. 20,0%	1 прих. 2,3%	21 прих. 28%	3 прих. 8,5%	—
один священник	4 прих. 3,3%	—	1 прих. 2,2%	—	6 прих. 8%	1 прих. 2,9%	—
все должности вакантны	3 прих. 2,5%	—	1 прих. 4,3%	—	5 прих. 6,7%	—	—

* В ходе екатерининской губернской реформы Двинский уезд был окончательно расчленен на Архангельский и Холмогорский.

Но очевидно и то, что чем севернее располагался приход, тем чаще встречался вариант малочисленного клира. И тем не менее, общая тенденция развития приходских штатов состояла в постепенном переходе к стабильному 3-членному клиру, а там, где можно, — к 4-членному. В немалой степени это объяснялось усилиями учрежденных в 1682 году северных архиерейских кафедр и деятельностью образованных в 1720-30-е годы семинарий — вологодской, великоустюгской и холмогорской³⁷.

Известно, что священник должен был вести по жизни своих духовных детей от их рождения до зрелости и кончины. Правила 1667 г. указывали епископам — «священникам оставаться по смерть свою там, где посвящен»³⁸. Документы свидетельствуют, что приходские клирики XVIII века, как правило, соответствовали этому требованию. К такому выводу приводят наблюдения, сделанные при изучении перемещений приходских церковно- и священнослужителей в середине

столетия (таблица 6)³⁹. Очевидно, что лишь 13% перемещений сельских священников и 12% перемещений причетников было вызвано административно-церковным регулированием (переводом в другой приход, отстранением, запрещением священнодействовать, переводом в подушный оклад и пр.). Все остальные случаи были вызваны естественными причинами — смертью, вдовством, дряхлостью. Таким образом, еще в середине века в приходском клире Севера царил обстановка «кадровой» стабильности и доминировала практика долголетнего, пожизненного служения на одном месте. Многолетнее и многопоколенное служение на одном месте было сродни самому понятию пастырства и способствовало установлению взаимного понимания и доверия клира и мирян.

Таблица 6

**ПЕРЕМЕЩЕНИЯ ПРИХОДСКИХ КЛИРИКОВ
в 1745-1755 гг.**

Епархия и уезд	Общее количество оставивших свои места свящ./прич.	Из них по причине							
		смерти	старости	вдовства	перехода в другой приход	отстранения за проступки	возвращения священного сана	отлучки	перевода в подушный оклад
Вологодская еп., Вологодский уезд, 95 приходов	54/66	30/28	2/23	16/4	6/3	0/2	0/4	0/2	0/0
Архангельская еп., Двинский уезд, 72 прихода	39/35	19/21	2/3	12/0	5/3	1/2	0/4	0/0	0/2

Подведем некоторые итоги. Анализ количественных параметров сельских приходов Севера позволяет думать, что в век значительных перемен в жизнедеятельности церковных институтов русского Православия они в своей основе оставались прежними, сохраняли принципиальные характеристики предыдущих столетий.

Было сохранено главное достоинство пространственной и структурной организации прихода — его многовариантность. В условиях огромного региона с редким населением и растянутыми коммуникациями такая гибкость приходского устройства оставалась важным гарантом православно-культурного единства Русского Севера. Церковь хорошо осознала, что только таким образом она сможет исполнить здесь пастырскую и душепопечительскую миссию. Весьма показательна в связи с этим безрезультатность попыток светских властей в XVIII веке установить своего рода приходские стандарты. В ответ на требования к архиереям о «выравнивании» числа прихожан в каждом приходе⁴⁰ ни один из епископов в Вологде, Архангельске и Устюге даже не приступал к ломке системы, давно сложившейся «снизу» и так органично совпадавшей с духовными потребностями крестьян.

В крестьянстве бытовали сложившиеся представления, почти интуитивные, о допустимых пределах приходского сообщества: в слишком большом приходе «родившиеся младенцы без молитвы и без получения святого крещения пребывают по нескольку недель, другие, равно как и болящие, без всякого христианского напутствования умирают.., а старые и нездоровые слышания церковного славословия лишаются»⁴¹, в слишком малом — была угроза храмового неустройства и обнищания клира.

Продолжающееся и в XVIII веке учреждение новых приходов оставалось в рамках этих традиций.

Во многих исторически сложившихся территориях многовариантность приходских сообществ вела к складыванию своего рода межприходской иерархии. Большой («материнский») приход мог покровительствовать соседним, малым («дочерним»), практиковать выезды клириков для литургического единения, совместных молебнов, крестных ходов, обмена пастырским опытом. Такие межприходские связи, постепенно преобразовывавшиеся в благочиния, сглаживали неизбежные издержки изоляции малых и средних приходов.

В каждом крестьянском приходском сообществе Севера наблюдалась схожая внутренняя среда: однотипные демографические пропорции и относительная однородность сословного состава. Издавна это задавало функциональную роль каждой из групп прихожан. Распыленность населения по малодворным селениям, его многочисленность в большинстве случаев затрудняла исполнение пастырских задач, особенно — в сфере душепопечительства. Традиционно часть этой задачи поневоле перекладывалась на самих прихожан. И в этом случае опре-

деленное — всеми понимаемое и признаваемое — ролевое назначение различных внутрприходских групп существенно восполняло недостаток прямого пастырского воздействия, как бы компенсировало его.

Опыт самоорганизации общественной и духовной жизни Севера, не нарушая канонов Православия и во многом под их воздействием, нашел всем свое место и всех включил в качестве объектов и субъектов в различные формы приходской жизнедеятельности.

Что же касается известных новаций в приходской жизни XVIII века — усиление епархиального контроля, изменение роли церковных старост, введение новой документации, учет исповеди, введение официоза в богослужения и пр., — то они лежали главным образом в сфере функциональных характеристик, что заслуживает отдельного и самостоятельного изучения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В данном случае под Русским Севером понимается территория, составляющая ныне Архангельскую, Вологодскую и Мурманскую области, республики Коми и Карелию. С 1682 года и до конца 1780 годов эти земли находились в церковной юрисдикции Холмогорских (с 1730-х гг. — Архангельских), Устюжских, Вологодских и Новгородских архиереев.

² Папков А. А. Погосты в значении правительственных округов и сельских приходов в Северной России. М., 1898; Верюжский В. Афанасий, архиепископ Холмогорский, его жизнь и труды в связи с историей Холмогорской епархии. СПб., 1908; Богословский М. М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII веке. Т. I-II. М., 1909, 1912; Юшков С. В. Очерки истории приходской жизни на Севере России XVI-XVII вв. СПб., 1913.

³ Приведем примеры некоторых интересных публикаций по периоду XVIII века. Так, «Архангельские губернские ведомости» еще в 1840-70-е гг. опубликовали исторические сведения о некоторых древнейших приходах края: Лявленском (1845, №28; 1878, №28, 29), Ижемском (1846, №24), Лямецком (1869, №56-59), Шеговарском (1869, №103, 105), Ухтоостровском (1875, №60-63), Вознесенском (1877, №95, 97, 98, 103). «Архангельские епархиальные ведомости» опубликовали списки храмов, в т. ч. возведенных в XVIII веке (1898, №1), работу И. Сибирцева «Исторические сведения из церковнорелигиозного быта г. Архангельска в XVII и первой половине XVIII века» (1893, №9, 15, 16, 18, 20, 21; 1894, №1, 2, 4, 8, 11). «Вологодские епархиальные ведомости» знакомили читателя с историей становления проповеди в XVIII веке (1889, №16), историческими сведениями М. Н. Мясникова о Кокшеньге (1905, №10, 15) и др.

⁴ Эта традиция получила свое развитие главным образом в Вологде. Томаков И. Ф. Сборник материалов для исторического и церковно-археологического описания Вологодской губернии. Вологда, 1889; Описание Тиксенской Преображенской церкви Тотемского уезда Вологодской губернии. Вологда, 1903; Бурицев Е. Спас на Кокшеньге Тотемского уезда Вологодской губернии. Вологда, 1912; Непенин А. Церковь Святые Живоначальные Троицы что в Сегоже Вологодского уезда Вологодской епархии. Вологда, 1914. Регулярно уделяли внимание церковно-историческим проблемам выходившие в Вологде, Архангельске и Петрозаводске «Памятные книжки».

5 В пределах Архангельской епархии при непосредственном участии приходских священников, получивших подробное указание к действию, было подготовлено и издано 3 тома истории приходов — Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Вып. I-III. Архангельск, 1894-1896. Был также издан Атлас с картами всех благочиний.

6 Это не означало, что церковно-историческая мысль России вообще проходила мимо проблем и истории приходской жизни XVIII века. См., например: З на м е н с к и й И. Положение духовенства в царствования Екатерины II и Павла I. М., 1880; С е м е в с к и й В. И. Сельский священник во второй половине XVIII века // Русская старина. 1877. №8. С. 501-538; В е р х о в с к и й П. В. Очерки по истории русской церкви в XVIII и XIX вв. Варшава, 1912; З на м е н с к и й П. В. Податные элементы среди духовенства России в XVIII веке // Известия Российской Академии Наук. 1918. №5-7, 13, 14. Однако в них все же доминировала тема приходского духовенства.

7 История северного крестьянства. Т. 1. Крестьянство Европейского Севера в период феодализма. Архангельск, 1984. С. 262-347; Социально-правовое положение северного крестьянства (досоветский период). Вологда, 1981; К а м к и н А. В. Общественная жизнь северной деревни XVIII века. Вологда, 1990.

8 П о к р о в с к и й И. М. Русские епархии в XVI-XIX вв., их открытие, состав и пределы. Т. 2. Казань, 1913; В е р ю ж с к и й В. Афанасий, архиепископ Холмогорский...; К а м к и н А. В. Православная церковь на Севере России: очерки истории до 1917 года. Вологда, 1992.

9 М и л ь ч и к М. И. По берегам Пинеги и Мезени. Л., 1971; Г а г а р и н Ю. В. История религии и атеизма народа коми. М., 1978; У ш а к о в И. Ф. Кольская земля. Мурманск, 1972; З а й ц е в В. А. Беломорский Север: религия, свободомыслие, атеизм. Архангельск, 1983; К о п а н е в А. И. Волостные крестьянские библиотеки XVI-XVIII веков // Русские библиотеки и их читатель. Л., 1983; История северного крестьянства...; Б а ц е р М. Выгореция: исторические очерки. Петрозаводск, 1986; Холмогоры — центр художественной культуры Русского Севера. Архангельск, 1987; Б е р н ш т а м Т. А. Русская народная культура и народная религия // Советская этнография. 1989. №1.

10 История северного крестьянства...; К о л е с н и к о в П. А. Северная деревня в XV — первой половине XIX в. Вологда, 1976; Б а к л а н о в а Е. П. Крестьянский двор и община на Русском Севере. Конец XVII — начало XVIII в. М., 1976; В л а с о в а И. В. Традиции крестьянского землепользования в Поморье и Западной Сибири в XVII-XVIII вв. М., 1984. Значительная работа по изучению истории крестьянства в XVIII веке проведена в рамках Вологодского проблемного объединения по аграрной истории Европейского Севера России. — П р о с в и р и н а Г. И., К у р а т о в А. А. Некоторые итоги деятельности Проблемного объединения по аграрной истории Европейского Севера СССР // Крестьянство Севера в XVI веке. Вологда, 1984. С. 3-19.

11 В л а с о в а И. В. Сельское расселение в Устюжском крае в XVIII — первой четверти XX вв. М., 1976; К о л е с н и к о в П. А. Северная деревня...; В и т о в М. В., В л а с о в а И. В. География сельского расселения Западного Поморья в XVI-XVIII вв. М., 1984; Социально-демографические аспекты истории северного крестьянства (XVII-XIX вв.). Сыктывкар, 1985; История природопользования в условиях Севера Европейской части СССР. Вологда, 1988; Проблемы создания историко-культурного атласа «Европейский Север Российской Федерации». М., 1991; Проблемы исторической географии и исторической демографии Европейского Севера России. Сыктывкар, 1992.

12 Наиболее полно исследования последних десятилетий представлены в изданиях: К у р а т о в А. А. Историография истории и культуры Архангельского Севера. Вологда, 1989; Историко-культурное наследие Русского Севера: аннотированная библиография

1976-1986 гг. М., 1989. Укажем еще ряд работ, не вошедших в эти издания. Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Русского Севера. Петрозаводск, 1988; Культура Русского Севера России (дооктябрьский период). Вологда, 1989; О п о л о в н и к о в А. В. Сокровища Русского Севера. М., 1989; Г р о м ы к о М. М. Мир русской деревни. М., 1991; У г р ю м о в А. А. Кокшеньга. Историко-этнографические очерки. Архангельск, 1992; Памятники Архангельского Севера. Архангельск, 1991; Русский Север: ареалы и культурные традиции. СПб., 1992; О в с я н н и к о в О. В. Средневековые города Архангельского Севера. Архангельск, 1992.

¹³ Социально-правовое положение северного крестьянства...; К а м к и н А. В. Правосознание государственных крестьян второй половины XVIII в. // История СССР. 1987. №2.

¹⁴ Весомую роль в издании источников по истории Севера XVIII века играет Северное отделение Археографической комиссии Российской Академии наук. См. библиографический обзор — К а м к и н А. В., К о л е с н и к о в П. А. Юбилей Северного отделения Археографической комиссии АН СССР // История СССР. 1985. №2. См. также: Проблемы историографии и источниковедения истории Европейского Севера. Вологда, 1992; Археография и источниковедение истории Европейского Севера РСФСР. Ч. I-II. Вологда, 1989.

¹⁵ Важно и то, что появились первые исследования приходской истории XVIII века по смежным регионам — З о л ь н и к о в а П. Д. Сибирская приходская община в XVIII веке. Новосибирск, 1990.

¹⁶ Государственный архив Архангельской области (далее — ГААО). Ф. 1. — Канцелярия Архангельского гражданского губернатора. Ф. 29. — Архангельская духовная консистория. Ф. 1025. — Канцелярия Холмогорского архиепископа; Государственный архив Вологодской области (далее — ГАВО). Ф. 496. — Вологодская духовная консистория; Великоустюгский филиал ГАВО (далее — ВУФ ГАВО). Ф. 363 — Великоустюгская духовная консистория.

¹⁷ К а б у з а н В. М. Народонаселение России в XVIII — первой половине XIX в. (по материалам ревизий). М., 1963.

¹⁸ ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Дд. 3824, 3825 (ревизские книги за 1745 г.), 6009а, 6009б, 6010, 6011, 6234 (ревизские сказки за 1762 г.). ГАВО. Ф. 388. Оп. 9. Дд. 3, 4, 28, 66 (ревизские сказки за 1782, 1795 гг.).

¹⁹ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Дд. 84, 86, 87, 92, 94, 96, 104, 110, 112, 127-130, 136, 137, 138, 147-150, 157-162, 167-170, 176-179, 186-189, 857, 865, 875, 878, 879, 884, 885, 889-891, 896-899, 905-907, 910, 911, 914, 915, 917, 918, 921-923.

²⁰ К о л е с н и к о в П. А. Северная деревня... Очерк 2.

²¹ Источниками таблицы стали: Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии...; Архангельская губерния по статистическому описанию 1785 года (итоги подворной переписи). Архангельск, 1916; ГАВО. Ф. 496. Оп. 19. Д. 390; ВУФ ГАВО. Ф. 363. Он. 1. Д. 4013; РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Дд. 168, 177; ГААО. Ф. 29. Оп. 29. Д. 9.

²² ГААО. Ф. 29. Оп. 29. Д. 9. Л. 398 об. — 421.

²³ ГААО. Ф. 1025. Он. 5. Д. 146. Л. 13-13 об.

²⁴ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 168, дача 164.

²⁵ ГАВО. Ф. 496. Оп. 19. Д. 390. Л. 341-345.

²⁶ Краткое историческое описание... Вып. II. С. 151-154.

«утка луговая» — характерные персонажи песен масленицы — праздника, связанного с культом предков и заклинанием плодородия грядущего земледельческого года. В одной из масленичных песен масленицу называют «белой уткой», в другой, сибирской, «гусяную» масленицу провожают своими криками летящие гуси, в третьей — веселыми криками призывают ее, когда до масленицы остается один день¹. Но в действительности в это время на данных территориях нет и не может быть гусей, — их весенний прилет происходит значительно позднее, так же, как нет и не может быть гусей-лебедей перед Рождеством. Однако в песне, записанной П. В. Шейном в Псковской губернии, поется:

Приходила Коляда наперед Рождества,
Виноградье красно-зеленое мое!
Напала пороша снегу беленького:
Как по этой по пороше
Гуси-лебеди летели — колдовщики, недоросточки².

Ей вторит виноградье из деревни Евсеевская Тарногского района Вологодской области, записанное Д. М. Балашовым, Ю. И. Марченко и Н. И. Калмыковой:

Щче-то припевка про гуся, ой
С виноградьем да и вся, да
Виноградий, ой
Красно-зеленово³.

В волочечных песнях, имевших также ритуальное значение и считавшихся способом магического подчинения человеку сил природы, довольно часто фигурируют гуси-лебеди. Так, в одной из песен, записанных П. В. Шейном в Псковской губернии, есть исключительно интересное противопоставление:

Не гуси летят, не лебеди,
Христос воскрес на весь свет!

Имеет смысл в этой связи вспомнить, что и колядовщики, и волочечники воспринимались в народной традиции как воплощение душ предков, которым подавалось ритуальное подаяние, и связь их с гусями-лебедями, судя по всему, была не случайной. Об этом свидетельст-

- 27 ГААО. Ф. 29. Д. 64. Л. 199-203. Краткое историческое описание... Вып. I. С. 286.
- 28 РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 176. Л. 17-17 об.
- 29 Краткое историческое описание... Вып. III. С. 233-242.
- 30 РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Дд. 177, 187; ВУФ ГАВО. Ф. 363. Оп. 1. Д. 4013. Л. 1-33; ГАВО. Ф. 496. Оп. 19. Д. 390; РГИА. Ф. 796. Оп. 58. Д. 26. Краткое историческое описание... Вып. I — III; Архангельская губерния по статистическому описанию...
- 31 Сложную и самостоятельную проблему представляет численность раскольников в приходах. В некоторых из них складывалась система сокрытия и утаивания данных о раскольниках. Не затрагивая здесь эту тему, ограничимся лишь указанием на необходимость ее углубленного изучения.
- 32 ГАВО. Ф. 496. Оп. 19. Д. 390. Л. 155-164; ГААО. Ф. 29. Оп. 29. Д. 9. Л. 88 об.; Д. 469. Д. 351, 469.
- 33 ГААО. Ф. 29. Оп. 29. Д. 9. Л. 58-63, 175-190 об.; ГАВО. Ф. 496. Оп. 19. Д. 390. Л. 346-375 об., 429-448, 634-662.
- 34 Вологодский епископ Амвросий в 1737 г. запретил женить раньше 15 лет, выдавать замуж раньше 13 лет. — ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 793. Л. 71. О. Б. Кох установила, что среди крестьян Подвинья наиболее распространенными были браки с 17-18 лет и старше. — Крестьянская семья в государственной деревне начала XVIII века // Исследования по истории крестьянства Европейского Севера России. Сыктывкар, 1980. С. 138.
- 35 О положении таких групп прихожан имеются интересные наблюдения. — Громыко М. М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян в XIX веке. М., 1986; Она же. Мир русской деревни. М., 1991.
- 36 ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3827; ГАВО. Ф. 496. Оп. 19. Д. 390, 469, 754; ВУФ ГАВО. Ф. 363. Оп. 1. Д. 514; 2. Л. 204-211.
- 37 Камкин А. В. Православная церковь на Севере России. С. 102-106.
- 38 ПСЗ. Т. 1. №412.
- 39 ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3827; ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 1929.
- 40 Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующаго Синода. СПб., 1879. Т. 2. Ч. 1. №756.
- 41 ВУФ ГАВО. Ф. 363. Оп. 1. Д. 2. Л. 8-10 об.